

первый писательский турнир в Instagram

# БУКВЫ. ДЕНЬГИ. 2 ПЕРА

ТОМ ВТОРОЙ



#ЛИГА\_БДП

# **Буквы. Деньги. 2 пера. Том второй**

«Издательские решения»

Буквы. Деньги. 2 пера. Том второй / «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505559-0

Турнир БДП собрал участников из разных концов мира. За 8 крутых заданий было написано более 800 рассказов. Лучшие из них собраны под этой обложкой. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-505559-0

© Издательские решения

## Содержание

БУКВЫ	6
Слово от нас	7
Участники	8
Лабиринт феникса	8
Лунный пёс	11
Любимые куклы Архипа	14
Люция	16
Маг	19
Мальш	21
Манекен	23
Марфин колодец	26
Моя родная	29
На пороге	31
Найдите доктора Миллера	32
Нам чужого не надо	35
Нити	37
Ничья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# **Буквы. Деньги. 2 пера Том второй**

*Корректор* Лиза Глум

*Редактор* Александра Семенова

*Дизайнер обложки* Александра Семенова

© Александра Семенова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-5559-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-5558-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**БУКВЫ  
ДЕНЬГИ  
ДВА ПЕРА**

*пиши и выиграй*

**ТОМ 2**

## СЛОВО ОТ НАС

*(Александра, Яны, Лизы, Нади и целых двух Саи)*

### **Авторам:**

*этим летом мы с вами отождгли!*

*Турнир стал крутым, потому что круты вы... ну и мы, эксперты,... не без этого, конечно. В общем, знайте, ЛИГА\_БДП рулит...*

*Еще не с нами?*

*Пора по #*

### **Читателям:**

*в этом сборнике собраны невероятные истории: юморные, грустные, динамичные и нерасторонные, душевные до слез и просто боевики, страшные до дрожи в коленках, блокбастеры, которые бы в Голливуд.*

За 8 заданий Турнира участники написали более 800 рассказов. В сборник попали одни из самых ярких, те, что зацепили жюри за душу. Но и их много... именно поэтому для удобства чтения мы решили разделить сборник на 2 тома.

У вас в руках том 2

*Мы уверены, что эти истории захватят вас с головой!)) Читайте и наслаждайтесь:\_)*

## Участники

### Лабиринт феникса

Ирина Игнатьева

@hviba

– Умри, чудовище!

Герой проткнул копьем мою грудную клетку. Острый наконечник с сочным чавком вышел сзади, песок расчертили алые полосы.

Я медленно завалился набок и... умер. В лучших традициях гладиаторских боев.

– Всех желающих сделать селфи с нашей главной звездой, просим пройти в фотозону.

Мой убийца заботливо протянул руку. Я только фыркнул и поднялся сам. А то ещё случайно поломаю или выдерну.

– Ну, ты сегодня просто превзошёл себя! – голос Мела был довольным. – Ладно, я пойду куплю поесть. А тебя ждут фанаты.

Я кивнул ему и направился к восторженной толпе.

Так странно жизнь плетет свои узоры. Когда-то меня боялись. Ненавидели. И слагали легенды. Полководец, упоминание имени которого, обращало вспять целые армии. А после – Минотавр. Чудовище с телом человека и головой быка. В кого же ты превратился?

Хотя именно сейчас я впервые за свою несправедливо долгую жизнь находился в состоянии если не покоя, то относительного спокойствия. Позже, добравшись до логова, я с комфортом расположился на любимом диване.

– Опять забыл, тебе с курицей или с говядиной? – Мел, возникший в проходе, довольно захихикал. Старая шутка меня уже порядком достала, но дружище каждый радовался совершенно по-детски.

Десяток сочных бургеров, бокс картошки и четыре бутылки колы. Никаких тебе юношей, девушек или младенцев, вполне стандартное человеческое меню. Разве что порции побольше.

– Надо ещё подготовиться к празднику: плащ погладить, копье почистить, – Мел подмигнул мне и засобирился. – Ты идёшь на Карнавал? Говорят, кое-кто из островитян подготовил такие маски, что туристов разорвёт от восторга.

Я одобрительно кивнул. Критский Карнавал был одним из самых зрелищных праздников для всего острова. И, пожалуй, единственной возможностью для меня выйти из темноты своего убежища. Ведь поди угадай, что среди ряженных с головами быков, китайских драконов и прочих бродит настоящий Минотавр.

– Да, я иду. А сейчас вали давай, хочу вздремнуть перед ночным походом.

Мы с Мелом распрощались до вечера. Я улегся поудобнее и устало закрыл глаза.

Море. Манит меня, ласково шепчет голосом той, чей огонь согревает и не дает раствориться без остатка в омуте кровавого безумия. Она появляется на закате, сплетенная будто из самих лучей заходящего за горизонт золотистого шара.

Феникс.

Языки пламени окутывают тонкую фигуру. Ленты тёмных волос спускаются по плечам. Когда ступни касаются, наконец, песчаного берега, наклоняю голову и утыкаюсь лбом в протянутую ладонь, испытывая облегчение. И вдруг...

Холод. Со всех сторон и будто ниоткуда. Море, всегда тёплое, согретое жарким солнцем, покрывается коркой льда.

Она не понимает. Делает шаг назад, пальцы будто проскальзывают через мои, протянутые в отчаянной попытке спасти самое дорогое. Ступни опутывает волна. И мгновенно превращается в лёд, поднимаясь все выше. Та, что горела и согревала, теперь холодная и такая... хрупкая.

Мельчайшие осколки ветер ледяной крошкой разносит по замерзшему берегу. Безуспешно пытаюсь кричать от горя. И безысходности. Ведь феникс не может восстать из льда...

Я резко сел на диване. Мотнул головой, прогоняя видение и отправился в город.

Фонари, разноцветные файеры, гирлянды, пестрые ткани – феерия света и цвета на улицах поражала застоявшееся в серых мегаполисах воображение туристов. Пару человек уже одобрительно пихнули меня: «Просто нереальный костюм, чувак!» Людская река постепенно стекалась в центр.

Я же шёл в другую сторону. Море сегодня будто тоже решило поддержать всеобщее веселье. Волны, одетые в кружевные платья пены, будто танцуют, одна за другой накатывали на берег.

Я приходил сюда каждый год. Ждал чего-то, но всё сильнее ощущал разочарование. А с ним – зарождающуюся ярость. Её чёрные щупальца проникали все глубже и пытались заставить склониться перед звериным началом.

Этого момента я боялся больше всего. Ибо знал, что уже не вернусь.

– Теперь ты проклят, «великий» Тавр, – тонкие губы растянулись в довольной усмешке.

И ведьма исчезла.

Она была женой одного из афинянских вождей. А я – тем, кто жестоко расправился с её возлюбленным после одной из битв.

В тот день я упивался очередным триумфом на арене в центре лабиринта царя Миноса, построенного для жестоких забав. Где мне не было равных. Ведьма появилась прямо на арене, среди крови и лежащих тел. На глазах сотни зевак и самого царя она низвергла меня, превратив наполовину в свирепое животное. И навсегда изменила мою судьбу. Тогда я стал пленником каменного лабиринта. Снедаемый только одним желанием.

Умереть человеком.

В подвыпившей компании неподалёку что-то живо обсуждали на чужом языке. Среди низких довольных голосов выбивался молодой женский. Девушка явно не разделяла веселья. И, судя по ноткам паники, оказалась здесь не по своему желанию.

– Оставьте её, она не хочет, – мой ломаный английский перевёл внимание мужской компании.

– Иди топчи копытами навоз вместе с другими местными бычками! – и «вожак» вернулся к своим делам.

А визг несчастной жертвы спустил монстра внутри меня с цепи. Безумие, ледяной коркой покрывающее тлеющие остатки моей души, уже невозможно было сдержать. «Жаль, убежать не успеют...» – и я погрузился в черноту ярости.

Девушку сковало от ужаса.

– Прощу... – почти неразличимое последнее движение пересохших губ. И вкус её крови дарит желанное чувство насыщения.

Окаменевших ступней неожиданно коснулась тёплая волна. Затем – ещё и ещё. Вода будто пыталась напомнить что-то очень важное, что стёрлось из охваченного яростным пожаром сознания. Яркая вспышка: босые мальчишечьи ноги зарываются в мокрый песок, чтобы оставить следы поглубже.

Ещё одна: высокая девушка в лёгком платье танцует под пение моря. Вода хватает её за длинные ноги, гладит тонкую ткань, оставляя мокрые следы. И нежно качает на волнах двоих прильнувших друг к другу людей.

Одно за одним яркие пятна воспоминаний заполняли собой всё. Ледяная корка с треском распадалась, уступая место отчаянно взметнувшемуся пламени. Память – огонь, что питает душу. Сгорая от боли, ненависти или отчаяния, она огненным фениксом восстает из пепла воспоминаний.

Я очнулся. Стоя посреди берега, окружённый телами растерзанных мной людей.

– Не двигаться! Или откроем стрельбу!

Плотный кокон тишины в ушах, наконец, прорезали крики и звуки сирены. Среди толпы взгляд выхватил бледное лицо Мела. Моё сердце сжалось от боли.

Я жил и держался в надежде вновь когда-нибудь стать человеком. Но ведь я перестал им быть задолго до встречи с ведьмой. Когда подверг жуткой казни на поле боя её мужа. Когда калечил и уродовал на арене молодых мальчишек ради забавы и веселья. Когда убил любящую женщину в приступе гнева.

Рано или поздно, безумие затопило бы, даже не будь у меня головы свирепого быка. Меня убьют как дикого зверя: из страха, ненависти и желания избавить мир от чудовища.

Лицо Мела дернулось. И, развернувшись, он исчез в толпе. А я медленно двинулся в сторону людей. Ночной воздух со свистом рассек серебрястый росчерк. Копье вонзилось в грудь и вышло с другой стороны.

Песок оросили алые капли. На этот раз – настоящие. Как слёзы благодарности и улыбка на моем лице, которое, наконец, стало человеческим.

## Лунный пёс

Диана Кокина  
@stella\_rebella

### День 1

День у Артема не задался с самого утра. Горячую воду отключили без предупреждения. Обнаружил это молодой человек уже стоя под душем, получив вместо приятной теплой струи бодрящий ледяной напор. Замерзший, но окончательно проснувшийся Артем побрел на кухню. словно в ответ на его мысли о горячем и крепком кофе кофейный аппарат издал неприличный воющий звук и отключился. Во время попыток его реанимации кухню обволок запах сгоревшего хлеба, и чад медленно пополз по квартире, впитываясь в вещи и забиваясь в шкафы. Крепко выругавшись, Артем выдернул шнур бесполезного тостера, распахнул окна и, подбодрив себя мыслями о завтраке в кофейне, выскочил из дома.

Свежевымытая белая «Тойота» во дворе радостно встретила мужчину бодрым писком отключенной сигнализации. Артем улыбнулся своему новенькому автомобилю и застыл на полпути. Белоснежную дверь пересекала уродливая отчетливая царапина. Изумительный багрово-красный оттенок лица молодого человека в этот момент, к сожалению, никто оценить не смог – двор в столь ранний час был пуст, и лишь легкий ветер пробежал по отдаленным кустам.

Автомобильный затор, начавшийся у ближайшего светофора, медленно, но очень уверенно развеял Артемины мечты о кофе, завтраке и, возможно, даже о премии, если он сегодня снова опоздает. В подтверждение безрадостных мыслей ожил телефон. Предстоящая презентация должна была состояться менее через час, и начальник, добродушный человек, рвал, метал и требовал Артема к себе незамедлительно. Лепет про пробки, заторы и отключение воды должного действия не возымели, и, вздохнув, Артем свернул в ближайший двор, чтоб все-таки успеть на эту злосчастную презентацию.

Ездить по дворам мужчина не любил, вынырывающие из ниоткуда дети, дамы, дефилирующие с колясками по проезжей части, милые на вид старушки, покрывающие отборным матом за то, что «езды тут всякие», и прочие-прочие препятствия и помехи. Глухой, влажный звук удара вывел Артема из задумчивости, взвизгнули тормоза, и незаметная тень вынырнула из-под машины.

«Черт!» – Артем помедлил, и, не обращая внимания на вновь оживший телефон, мужчина выбрался из машины.

Первое, что отметил молодой человек – кровь, весь перед его белоснежной девочки вымазан красным. Затем тело, зубы в оскале, на морде кровавая пена, поникший хвост изломан в нескольких направлениях, первоначальный цвет шерсти угадывался лишь по налипшим на бампер светло-золотистым клочкам шерсти.

«Теперь ремонт обойдется еще дороже, твою мать!» – Артем наклонился рассмотреть ошейник, но собака молниеносным движением царапнула зубами его руку. Мужчина выругался от неожиданности, пнул беззащитное животное – благородный порыв найти хозяина тут же угас. Пес с гулким звуком попытался втянуть воздух, глаза закатились, и он затих. Брезгливо поморщившись, Артем отодвинул собаку к тротуару, смыл с бампера следы и вернулся в машину.

На удивление молодой человек почти не опоздал, и успешно проведенная презентация с последующим банкетом скрасила остаток дня.

## День 2

Артем проснулся с сильнейшей головной болью и ломотой во всем теле. После презентации был бар, караоке, руки Леночки на его шее и что-то еще. Тема не мог вспомнить что, и это его беспокоило. Телефон радостно пискнул сообщением: «Славно погуляли вчера. Ну ты отжигал!» Сомнения в необходимости идти на работу усилились, мысль о прогуле показалась вдруг достаточно здоровой. Вставать расхотелось окончательно, но голова вновь напомнила о себе, и мужчина поплелся на кухню за обезболивающим.

На работе царило нездоровое оживление.

– Артем Палыч, – протянула Леночка вместо приветствия, – а вы знаете, что завтра суперлуние?

Офис содрогнулся от смеха. Леночка никогда не отличалась тактичностью, но виртуозно владела техникой переговоров и кое-чем еще, что Артем очень ценил в минуты одиночества и скуки. Шутку мужчина не понял, поэтому максимально сдержанно улыбнулся и прошел в свой кабинет. Монитор поприветствовал новой заставкой – волк выл на полную луну. Не иначе программист Женька постарался.

Внутренняя рассылка почты внесла ясность – на видео Артем бегал на четвереньках, подвывал и пытался укунить Леночку и бухгалтера Ольгу Павловну. Все видео мужчина смотреть не стал, и так понятно, что от насмешек может избавить только новая жертва. Несколько срочных заказов остудили пыл шутников, и день завершился спокойно.

## День 3

Артем проснулся от назойливого звука телефона, как только включался автоответчик – звонок сбрасывался и повторялся вновь.

– Сергей Анатольевич, что-то случилось?

– Случилось? – начальник был в бешенстве, ты в курсе, сколько времени? Где тебя носит, скажи мне на милость?

Почти одиннадцать. Артем присвистнул от удивления.

– Сергей Анатольевич, извините, я заболел, – страдальческий голос даже не пришлось изображать, боль во всем теле усилилась, зуд распространился на всю спину, суставы ныли.

– В счет отпуска бери дни, – буркнул начальник, и Артем понял, что гроза миновала.

Потянувшись, Артем собрался на кухню, не вовремя вспомнив о сторовшем тостере и кофеварке, и с изумлением уставился на руки. Их обильно покрывала красная зудящая корка, ногти на руках пожелтели. «Проклятая собака, только лишая мне не хватало».

– О'кей, гугл, лишай, лечение, – Артем пролистал ленту. – Йод, противогрибковые, ну и отлично, пару дней, и в норме буду.

Остаток дня молодой человек провел в приятном ничегонеделанье.

## День 4

Свет слепил глаза, звуки, запахи – все доставляло невыносимую боль. Голова размером с чугунный колокол звенела, мышцы скрючивало в руках невидимого скульптора. Артем застонал, скатился с постели и побрел в сторону кухни. Зеркало, мимо которого парень прошел не глядя, отразило не совсем человеческое тело, покрытое зудящей красной коркой, сквозь которую отчетливо пробивались светлые волосы.

Офис гудел. Сергей Анатольевич раздавал указания и требовал найти Артема, или Леночку, или Ольгу Павловну. Как вышло, что самые нужные сотрудники мало того, что не появились на работе, так и телефоны недоступны. Немыслимое дело!

## День 5

Артем брел по улице, временами проваливаясь в беспамятство. Он сторонился людей и старался передвигаться в тени, его по-прежнему пугали запахи и звуки, но он уже не ощущал их так остро. Резкий звук – скрип тормозов, сильный удар, Артема отбросило в воздух, тело изогнулось, лапы подогнулись с противным хрустом, сломанное ребро проткнуло легкое, бесценный кислород покидал его тело, как и жизнь.

– Ой, – завершал голос совсем рядом, – собачка!

– Оставь, подумаешь, бездомная дворняга, поехали.

Взгляд Артема расфокусировался и навсегда застыл.

## Любимые куклы Архипа

Nadi Mustafina  
@nadi\_mustafina

«Пора бы их уже заменить», – подумал старик глядя на убитых временем и погодой кукол. Скрюченными руками Архип сшивал потрёпанную кожу куклы. Она не поддавалась и расходилась вновь. Пришлось прибегнуть к клею.

«Вот так то гораздо лучше», – любуясь своей работой, улыбнулся Архип. Ему надо было успеть до трёх часов. Работа была налажена. В этом ему не было равных.

Башня часов, доставшаяся в наследство в небольшом городке от отца, не приносила бедному кукловоду никакой радости и прибыли. До тех пор, пока он не придумал взгромоздить на подмосток огромных кукол.

Каждый день без пяти минут три из башни под музыку выезжали огромные куклы в ярких нарядах и танцевали. Это зрелище собирало толпы. Ради этого люди съезжались из других городов.

Какое же это было чудо. На высоте пятнадцати метров две прекрасные девы и два прекрасных парня парили словно пылинки в воздухе, танцую целых пять минут. Люди диву давались, насколько все было волшебным, искусно и красиво. Ростовые куклы походили на людей, они были словно волшебные феи, умеющие парить.

Архип всю свою жизнь с раннего детства строгал, сшил, лепил кукол. Он дарил им жизнь. Детишки во дворе заливались восторженным смехом, глядя на необычные представления Архипа. Да и не каждый взрослый оставался равнодушным к его творениям.

Все. Кроме отца.

Отец Архипа, хоть и был пьяницей и тираном, но славился на много миль своим умением часовщика. Его работы покупали самые знатные люди. Ни одна модель часов не повторялась. Каждая была уникальна и имела свой секрет.

Архип рос сильным юношей, но под строгим взором отца он становился слабее мышки. Родитель выплескивал весь негатив на сына. Останавливался лишь тогда, когда кровь брызгала из ран, оставленных ремнем или кнутом.

Мать отец давно отправил в могилу. Она, не жалея себя, прикрывала сына своим телом от побоев. А отцу было плевать, на ком выпускать пар. Так и скончалась бедная женщина.

Вскоре отец тоже покинул этот мир. Почти сразу же, как соорудил башню с часами. Умер он за игральным столом. Сердце не выдержало, когда спустил все свое состояние какому-то проходиму.

Вот и осталась Архипу лишь башня. Там он все годы жил и создавал своих кукол. Дело шло не очень. Люди стали больше предпочитать другие развлечения. Пока в один из вечеров ему не пришла в голову страшная мысль.

Глядя на спящую продажную девицу, он приподнял ее руку, отпустил. Повторил то же с ногой. Оглядел прекрасное тело юной красавицы. И мысль зародилась в его голове.

Девушка проснулась от того, что ее руки и ноги были связаны веревкой, перекинутой через перекладину. Она сама не в состоянии была управлять своим телом. За нее это умело делал кукловод Архип.

Какой восторг он испытывал в тот момент, какие эмоции переполнили его сознание! Юная девица извивалась в надежде высвободиться из оков. Крики ей не помогали. Архип её просто не слышал. Он был поглощен игрой под звуки музыки. Его самая прекрасная кукла танцевала.

Тут девушке удалось освободить одну руку. Игра была прервана. Кукловод рассержен. Нанося удар за ударом отцовский плетью по прекрасному телу, Архип негодовал:

– Плохая кукла, плохая!

Взгромоздив вверх бездыханное тело девицы, кукловод Архип был счастлив. Почти счастлив. Осталось довести до идеала кожу, волосы, глаза.

Десятки лет людей восхищают две юные пары, парящие в воздухе. Каждый день без пяти минут три у башни с часами собираются толпы народу. Каждый хочет разгадать секрет мастера.

– Не желаете ли экскурсию в башню, – обратился старик к двум парам молодых туристов.

## Люция

Настя Бонс

@axioma\_writer

Чёрное помещение, напоминающее клетку с непрозрачными шторами и едким кислым запахом уксуса. Одинокий стол в центре комнаты, подсвеченный синей лампой. Два жутко неудобных стула.

Дверь резко отворилась, принеся с собой волну ослепляющего света, больно бьющего по глазам. Вместе со светом в помещение вошел мужчина. Тёмная загадочная фигура в сером костюме, с волосами, аккуратнo зачесанными на затылок. Ухожен. Чересчур.

Он сел напротив неё. Она сразу ему приглянулась. Красивая белокожая брюнетка с вьющимися волосами. Стройная фигура и длинные ноги, подчёркнутые брюками, плотно сидящими по фигуре.

Она молча наблюдала за ним, не говоря ни единого слова, читая его одними глазами. Он закурил.

– Вижу, вы уже знаете, кто я? – спросил незнакомец.

– Я знаю только то, что хочу знать, – ответила она.

– Как вы это делаете? Поделитесь, и мы вас отпустим.

– Я слышу это каждый раз от муд... ков, подобных вам и вашим прихвостням. На протяжении нескольких столетий.

– Кто вы такая? Сколько вам лет?

– Ничего нового спросить не придумали? Это единственное, что вы хотите узнать у человека, который живёт уже несколько столетий?!

– Кто вы такая? Как вас зовут? – повторил он вопрос.

– Зовут меня Люция, Фёдор. Но вообще, у меня много имён. Какое нравится вам?

– Откуда вы уз...? Кто вы?

– В вашем мире нас называют по-разному.оборотни, ведьмы, демоны, индиго, но я всего лишь человек.

– Когда вы обнаружили в себе способности?

– Мне было около трёх лет...

– Вы не можете этого помнить.

– Seriously? Тогда нет смысла продолжать этот пустой разговор.

– Хорошо. Расскажите, как вы это поняли?

– Это случилось, когда я говорила со своим дедом.

– Что в этом такого? Внучки и внуки постоянно лепечут со стариками, – едко отметил он.

– Я говорила с ним на его могиле, после сорока дней. Очевидцы случившегося тогда много толковали, и маме с бабушкой долго пришлось прятать меня, чтобы люди не болтали всякое.

– Что вы могли такого связного и толкового сказать в три года, что вас пришлось прятать? Песенки, печенки, мама да куклы в голове...

Люция закатила глаза, будто уже в сотый раз слышала эту фразу и видела подобное выражение лица.

– Я начала поздно ходить, мне было около двух, но мне это не мешало. А вот говорить я начала около восьми месяцев и не просто агукать, бибижать и люлюкать. Именно говорить, поддерживать разговор, материться. Многие из родственников боялись меня. Даже мать. Но ее любовь оказалась сильнее страха, и она всегда оставалась рядом. А вот отец...

- Вы помните своё детство?
- До трёх лет – обрывками. После – дословно каждый день.
- Сколько же вам лет, Люция?
- Женщин не спрашивают о возрасте.
- Что вы ещё умеете делать?
- Спрашиваете, как о какой-то диковинной игрушке с суперспособностями...
- И всё же?

Она громко вздохнула, дав понять, что ей наскучил данный разговор.

– Я могу аутентично говорить, писать и читать на сорока пяти языках мира, три из них – мертвые. Играю на шестнадцати инструментах. Вижу души умерших, а вместе с ними – и всех сущностей, живущих в вашем и других измерениях.

– Вашем? Вы говорите так, будто живете в другом месте.

– Я вышла замуж, сюда я прихожу на могилы к родным.

– Вышли замуж?

– Что вас удивляет? У меня есть муж. Я предсказала имя будущего мужа, когда мне было двенадцать лет.

– Он человек?

– Он живёт в вашем измерении, но вы не замечаете его и подобных ему.

– Кто же он такой?

– Я дам подсказку... Рыжие, волосатые, душевные защитники крова. Почему-то вы рисуете их милыми гномами, хотя они очень высокие. Иногда они сняты женщинам вашего мира, но это случается только тогда, когда рыжие влюбляются.

– Очень похоже на домовых...

– Бинго, милый! Сегодня удача на твоей стороне.

– Но если ваш муж домовый, то почему вы живете в другом измерении?

– Потому что в этом он стареет, а я больше не хочу терять близких.

– Когда вы перестали стареть? Научились перемещаться между измерениями? Что ещё вы умеете?

– Правильный вопрос. Однажды я услышала мысли одного мерзкого человека, ясно увидела, как он высекал за неподчинение молодых девушек. Я не удержалась. В порыве гнева я лупила его как сумасшедшая сучковатой дубиной и... вытрясла из него душу... А затем выпила из неё всю гнилую черноту. Так у души появился шанс, а у меня – вечная молодость.

– Вы слушаете мысли?

– Чаще мне противно. Не люблю этого. Иногда лучше не знать, что творится в человеческой голове. Это напоминает просроченный салат с майонезом, от которого так жутко смердит, что голова начинает трещать и к горлу подкатывает комок противной горечи. Но без этого мне не найти таких, как ты...

– Таких, как я? О чем вы? – засуетилась фигура в сером, нервно заёрзав на стуле, но тело будто сковало от холода. Фёдор не мог пошевелиться.

– Я слышу ваши мысли о кружевном белье вашей любовницы, которое вы затолкали в рот вашей жене, когда избавились от неё. Вам было мало избивать её. Вы поставили точку. Чтобы не отпускать на свободу, вы лишили её жизни. Чтобы не досталась никому... Еще вы измеряете своё моджо. Это мерзко... Вы изгадили свою душу, гниль прямо сочится по ней, и ей страшно, что она утонет.

Люция подошла к стулу Фёдора и развязала его шелковый галстук. Она обмотала его вокруг его шеи, помедлив лишь на секунду...

– Сегодня я освобожу её, и у неё появится право выбора. Нельзя лишать душу способности выбирать тот путь, по которому она хочет идти...

Тело Фёдора замертво упало на пол. Комнату вновь озарил ослепляющий свет...

- Ты рано, дорогая. Выглядишь замечательно.
- Моё рыжее солнце, я сияю благодаря твоей любви.
- Сложно было сегодня?
- Не столь важно. Важно, что оно того стоило. Душа такая светлая... В следующей жизни станет кем-нибудь стоящим. Обязательно...

## Маг

Мила Григ  
@ludmilohka\_grig

«Афанасий – белый маг и ясновидящий в пятом поколении, вернёт запившего мужа, вправит мозги загулявшей жене, увидит невидимое и услышит неслышимое. Ваша судьба – в его руках», – гласило объявление в местной газете.

Афанасий – слесарь-сантехник третьего разряда, сидел на кухне три на три метра, упираясь ногами в холодильник. Он с гордостью читал своё объявление, поглаживая кельтский символ на груди, приобретенный по случаю в подземном переходе.

– Ну теперь-то вы все узнаете, кто такой Афанасий. А то ишь, Афонька-долбоёщер, пойдё сюда, сделай то, принеси это, – говорил он, прихлебывая жидкий кофе.

Он всегда знал, что менять смесители и чинить унитазы – это совсем не его призвание. И всякий раз, когда смотрел очередной выпуск «Битвы экстрасенсов», поражался тупости участников.

– Да кто ж так в транс входит? Детский сад, трусы на лямках, ей-богу. И не там ты её ищешь, у любовника она второй месяц прячется, а этот олень соплю жуёт, – кипятился Афанасий, открывая вторую банку пива.

Курсы белых магов и ясновидящих Афанасий окончил на отлично. Шутка ли, найти труп почившего в бозе хомячка с первого раза. Вся группа аплодировала стоя, а наставник, утирая скупую мужскую слезу, предрекал ему великое будущее.

Получив диплом и грамоту в золочёной оправе, Афанасий написал заявление на отпуск по семейным обстоятельствам и решил попробовать свои силы в эзотерике. В первый же день после выхода объявления ему позвонили.

– Афанасий?

– Да, маг и ясновидящий Афанасий слушает.

– Слушай внимательно, Афанасий. Вещь одну надо найти. Сможешь?

– Для меня это как два пальца об асфальт. А какая вещь?

– Много вопросов задаешь, Афанасий. Найдёшь то, что нам нужно, получишь бабки, не найдёшь – получишь по сопатке. Такой расклад устраивает?

Афанасий на мгновение задумался: первый клиент, первые деньги, это так волнительно.

– Да, я согласен.

– Ну вот и ладушки. Я тебя жду на Тополиной, около заброшенного завода.

Он надел новую рубашку черного цвета, как у наставника, предрекавшего великое будущее, взял чётки, поправил кельтский символ на груди и, бросив контрольный взгляд в зеркало, вышел на своё первое дело.

– Маг, ты пунктуален, – играя ключами, ухмыльнулся мужчина.

– У меня мало времени, день расписан по минутам, – напуская строгий вид, ответил Афанасий.

– Ну так и у меня времени в обрез, – захохотал мужчина.

– Тогда приступим.

– Меня Череп зовут, если что. Шутки со мной заканчиваются плачевно.

Череп повел Афанасия вглубь завода. Территория была заброшенной, но до полного запустения ещё не дошло. Афанасий шёл, подмечая глазом сантехника замысловатые лабиринты труб. Череп резко остановился.

– Мы на месте, – сказал он, пристально глядя на Афанасия.

– Итак, что мы ищем? – по деловому спросил Афанасий.

– В этом цеху два года назад был спрятан общак. Пахана замочили, причём самым внезапным образом. Короче, маг, надо найти деньги. Найдёшь – твоё счастье, нет – пеняй на себя.

«Бетонные плиты, цементный пол, потолок хрен знает какой высоты. Куда тут, что можно спрятать? Есть, конечно, вентиляция, но она высоко, без помощи не справиться от слова совсем. Думай, Афоня, думай, маг недоделанный, а то никто не узнает, где могилка твоя», – думал Афанасий, перебирая четки.

– Маг, ты это, давай пошевеливайся, не стой столбом, – волновался Череп.

– Прошу не мешать мне, я вхожу в транс, – медленно произнося слова, ответил Афанасий.

«Трубы. Завод заброшен, вода отключена. Спрятать деньги можно в трубы», – пришла ему в голову светлая мысль. Афанасий накрепко всю силу своей мозговой деятельности, шумно вдохнул и также шумно выдохнул. Сделал магические движения, чем слегка напугал Черепу, и с вытянутыми перед собой руками пошёл в сторону труб.

Он ходил, водя по трубам руками и прислушиваясь к своим ощущениям, не торкнет ли его, как тогда, когда искал дохлого хомячка. Афанасий почувствовал в руках жжение в том месте, где труба делала поворот в девяносто градусов. «Вот оно, торкнуло», – обрадовался он и замогильным голосом произнес:

– Здесь то, что ты ищешь.

Череп почесал затылок, постучал по трубе ключами.

– Ну, волшебник, ну смотри, если там пусто, то...

Череп сходил к машине и принес болгарку, монтировку и чемодан с инструментами. Афанасий стоял в стороне, с блаженным видом перебирая четки. Череп пилил, стучал, крутил, тихо матерясь и смахивая рукавом пот. Наконец, труба была распилена. Афанасий перестал перебирать четки, затаив дыхание следя за движениями Черепу.

– Твою мать, вот дерьмо собачье, – выругался Череп, отбросив что-то в сторону. Это оказалась крыса, вернее её высушенный труп.

– Есть! – закричал Череп, вытаскивая большой свёрток. Он улыбался улыбкой счастливого ребёнка, получившего вожделенную игрушку. – Ну маг, ну ведьмин сын, молодец! Череп слов на ветер не бросает. Держи свой гонорар, – сказал он, протягивая Афанасию конверт.

Афанасий, не заглядывая в конверт, поблагодарил Черепу и с гордо поднятой головой направился к выходу.

– Ты это, не обижайся, если что, я ж не со зла. А братве я про тебя расскажу, у нас много чего найти надо.

После этого Афанасий открыл в себе способность находить тела усопших, всё равно каких: людей, собачек, кошечек, ведь торкало его исключительно на трупные испарения. А будет с теми трупами чего ценного или нет – это уж на удачу.

## Мальш

Анастасия Древаль

@nastipass

Доктор Лецтер заглянул в записи своего еженедельника. Ему предстояло принять последнего на сегодня пациента – господина Хофнуна. А пока он с интересом изучал очередное исследование: «Об уменьшении сперматозоидов у западных мужчин за последние 40 лет в два раза». Его коллега профессор Крис Баррат все более пессимистичен в своих прогнозах. Вот уже и конкретные даты им объявлены. 2060 год – время, когда западные мужчины практически не смогут продолжить свой род.

«К сожалению, у вас не может быть детей,» – в мужскую клинику «Репродукции человека», где работал доктор Лецтер, обращались пациенты именно с таким диагнозом. По сути, страшнее этой фразы для мужчины не может быть. Даже собственная смерть пугает не так, если в этот момент вокруг твоего изголовья толпятся дети и внуки.

Да-да, сейчас принято считать, что не в детях счастье, что нужно состояться в профессии, чего-то достичь, вырасти над собой. Все только и делают кругом, что растут, но мир почему-то от этого становится только злее.

За годы исследований вопроса мужского бесплодия доктор Лецтер видел и слышал разные истории. Но всё сводилось к одному: не важно, какой у тебя недостаток, красив ли ты, какая у тебя профессия и успешен ли ты в ней, ничего из этого не важно, если у тебя нет детей. И истинное счастье для тех, кто приходил к доктору на прием, заключалось в простой возможности после рабочего дня смотреть как дети дурачатся с едой или отказываются от супа, слушать, как они говорят новые слова, и вдыхать их аромат, ведь запах детей ни с чем не спутать. Как сказал однажды его профессор в университете: «Дети пахнут счастьем».

– Доктор, здравствуйте, наконец-то я к вам добрался! – на пороге возник мужчина средних лет. Одежда и аксессуары дорогие, приподнятый подбородок и осанка успешного человека, но в интонации сквозит некий надлом. За годы практики Лецтеру доводилось видеть мужчин с разной степенью отчаяния. Другие сюда не обращаются. Это в начале, когда люди только слышат о своей проблеме, их пугают все вмешательства и процедуры, а потом, спустя энное количество безуспешных попыток, они готовы на всё: отдать здоровье, силы, деньги – вообще все ради заветной цели – рождение ребенка.

Вот и сейчас он проводил осмотр человека, который уже несколько лет боролся за право продлить свой род.

– Мазок, согласен, это болезненная процедура, я смотрел ваши анализы, назначал новые, а вот эти уже устарели, и их нужно пересдать, да, их действительно много, но процедура установлена не мной, – обычные фразы, обычный прием.

Мужчинам в нашем мире не принято жаловаться. О такой деликатной проблеме не принято говорить. Засмеют. Вот и приходится врачам-репродуктологам быть ещё немного психологами: разговорить и дать надежду. А надежда творит чудеса. Удалось разговорить и этого пациента:

– Поймите, доктор, ведь с рождением ребенка человек приобретает подлинное бессмертие. Я умру, а мои клетки, возможно, мои волосы, – рассмеявшись, Хофнун провел рукой по золотым кудрям, – мои мысли, мои привычки будут жить дальше.

Прием подошёл к концу, но пациент все не уходил. Впервые за долгое время он мог спокойно выговориться, обсудить свои страхи и не бояться, что его осудят или, что хуже для многих мужчин, пожалеют.

Зазвонил телефон, но в приемной уже никого не было, и звонок переключился на кабинет. Это была жена доктора Лецтера, она волновалась, что уже поздно и жаловалась на их малыша:

– О, ты бы видел, что он натворил! Я отвернулась, и твои записи со стола были раскиданы по всей спальне. Постоянно слежу за ним, но он все равно успевает что-нибудь схватить. Приезжай и поговори с ним.

– Хорошо, дорогая, так и сделаем, я сейчас отпущу пациента и приеду, – доктор не смог сдержать улыбку.

– Я вас задерживаю. Вам пора домой. Слова таких, как я, вам знакомы, но не понятны, – вздохнул Ховнун. – Понять меня может только человек с такой же бедой. Знаете, у меня был период: я детей видеть не мог. Выходишь из дома, а они на площадке играют. Заходишь в магазин, а они там. У всех друзей уже по двое или трое родилось, так я к ним даже домой зайти не мог. Такая обида на весь мир во мне жила. Почему я? Я никогда не курил, практически не пью, слежу за здоровьем. Вы были в бедных районах, видели сколько там детей? Я не убивал, не крал, я могу столько дать своему ребенку, а его всё нет... Сейчас немного полегче стало после всех эти неудачных попыток. Я услышал про вас, сказали, что вы творите чудеса. Кто-то скажет, но ведь можно усыновить, взять опеку над чужим. Да, можно, но ты никогда не сможешь посмотреть на маленького человечка и увидеть в нем себя. Походку, улыбку или привычку смешно морщить нос, – и как будто в подтверждение своих слов он поморщился.

– Не буду скрывать, у вас действительно сложный диагноз, но наша клиника сталкивалась с подобными случаями. Идите домой, мы совсем скоро с вами свяжемся. – доктор надеялся, что эти слова немного приободрят пациента.

Однако тот молчал и вдруг совсем тихим голосом спросил:

– Доктор, вы правда можете? – весь пафос прошел, и перед врачом стоял очень грустный, усталый и несчастный человек. – Просто поймите, столько лет, столько операций: ИКСИ, Песо, ЭКО. Все без толку. Я столько раз надеялся, ходил в храм, пил таблетки... – речь оборвалась.

– Не волнуйтесь, в конечном счете, за годы работы я помог всем своим пациентам, помогу и вам, – доктор хотел, чтоб визит к нему для Ховнуна закончился на позитивной ноте.

Выйдя вместе с пациентом и сдав ключи на пост охраны, Лецтер отправился домой. Мысли о звонке жены заставляли его улыбаться всю дорогу. Подъехав к дому и поставив машину в подземный гараж, доктор поднялся на лифте и открыл своими ключами дверь.

– Вот сейчас придет папа, и я ему все про тебя расскажу, – услышав, что муж пришел, с кухни спешила жена, из-за ее ног в коридор выскочил йоркширский терьер восьми месяцев отроду. Он скакал вокруг доктора и, виляя всем телом, заливисто лаял. – Привет, родной, мы с малышом тебя совсем заждались! Иди мыть руки и будем ужинать.

Стол был накрыт на две персоны.

*Лецтер\** созвучно немецкому слову «последний».

*Ховнун\*\** созвучно немецкому слову «ожидание/надежда»

## Манекен

Лена Сплин  
@splin\_writer

Женщина вырвалась из объятий и рванула в сторону входной двери. «Твою мать! Закрыто! Ключи в зале! Думай, думай», – она забежала в гостевую спальню. Глаза секунд тридцать привыкали к темноте. Снизу возле подъезда слышались пьяные крики людей, хлопки шампанского. Кто-то бурно отмечал субботу.

Разодранные в кровь колени тянули мышцы и не давали ей подняться – а он был уже близко. Она залезла на подоконник, потянула окно за ручку и грохнулась на пол. Дверь скрипнула, женщина перегнулась через окно, поставив ногу на карниз. Тихо выругалась, вырванный с мясом ноготь на мизинце задел раму окна, заставив ее вздрогнуть и потерять равновесие.

Правая стопа шаркнула по пластику, а потом соскользнула и повисла в воздухе. Одна нога стояла на карнизе, а другая висела в комнате. Она распласталась на подоконнике, чтоб хоть как-то удержать равновесие. Женщина попыталась разбить стекло, но промахнулась и закричала:

– Он убьёт меня! Убийца! #

Те, кто был на улице, не слышали криков. Молодые ребята подпевали музыке из автомобиля. Они не заметили, как сильные мужские руки втащили ее тело обратно на подоконник, вставили кляп в рот и, перекинув через плечо, отнесли подальше от окна.

Он резко развернулся и случайно ударил себя по лицу. Вздрогнул от удара и проснулся. Посмотрел на будильник: 7:00.

«Ах ты ж! Опять проспал! На первое собеседование уже не успею». Часы заполнения анкет, ожидания своей участи в коридорах обшарпанных и не очень зданий. Он уже три месяца не мог найти работу. #

– Аля? – мужчина встал с кровати. Закружилась голова, он лег обратно. – Аль, принеси водички. Голова будто чугунная. Ему никто не ответил.

«Обычно к десяти на работу, и в это время она на кухне возится, а тут тишина. Может, пораньше решила уйти. Она теперь редактор в журнале: жена – гордость мужа!» Ох, знатно они в выходные покутили, отмечая ее повышение, аж два дня гудели. В голове черт-те что.

Мужчина нехотя поднялся. Натянул на себя футболку и трусы. Он любил спать голым, но жена разрешала такое только после секса! Еще один плюс к выходным. «Слегка не в себе, но подкачанный пресс, рыжая шевелюра и голубые глаза, – начал он про себя. – Ты даже в 35 ничего...»

Но закончить мысль вслух не дал звон барабанов. Он поднял грохочущий смартфон с пола и прочел смс от брата: «Олег, выручай! Не смогу прийти вовремя и открыть сексшоп. У меня проблемы личного характера. Ключи у тебя есть. Кстати, вы хорошо в субботу посидели, Алька до сих недоступна. На созвоне».

– Э-эх, братишка.

Времени на кофе или уборку не было. Он только успел сунуть в рот пару подушечек орбита, а потом захлопнул дверь в квартире и побежал на метро.

Олег прибыл в ТЦ через сорок минут после смс. Открыл павильон Sexbysex и хотел уйти незамеченным, но его остановил вопрос: #

– А вы не останетесь мне помочь? – молоденькая девушка с необычным именем Анфиса на бейдже и русой косой внимательно посмотрела ему в глаза. – Понимаете, одна я не справлюсь. Товар пришел, а второй продавец задерживается. #

– А почему нет? Только предупреждаю – бикини с членом предлагать не буду. #

– Не надо. Они сами себя продают. С такими манекенами. Гляньте, – Анфиса скрылась в подсобке на пару минут, а потом выволокла оттуда высокую девичью фигуру.

Тонкие запястья, изящные пальцы, длинная шея, точеная талия и высокая грудь – его любимые женские формы. Тщательно нарисованные брови, милый носик пушистые ресницы, глаза со светящейся голубой радужкой и чуть приоткрытые пухлые губы. Он залюбовался манекеном. #

– Красивые, как настоящие. Их сегодня привезли.

– Да уж... #

– Нам нужно их одеть вот в это, – она потрясла перед Олегом прозрачным лифчиком.

Он прошел внутрь подсобки и увидел другие манекены, обнаженные и одетые в комплекты эротического белья. #

– Ну так что, поможете? – улыбнулась девушка. #

– Почему нет? Выручка пополам, – подмигнул Олег. Девушка хихикнула в ответ.

Анфиса ненадолго вышла, чтоб проверить зал. Олег остался один на один с огромными куклами. Он нечаянно коснулся пластикового соска груди манекена и почувствовал, как изнутри по телу разливается жар. Руки стали липкими и задрожали. Сердцебиение участилось. Он потрогал ширинку: член давно уже так не стоял. Тихие голубые глаза манекена покорно смотрели на него и будто жаждали продолжения. Он провел по плавной линии бедер и завел пальцы глубже.

Манекен пошатнулся, парик из длинных темных волос оказался на полу. Он схватил его в ладонь и крепко прижал к себе. В памяти сверкнула сцена, где он сидит верхом на Алине и крепко сжимает ее шею. Она громко стонет, вырывается, ее волосы закрывают лицо. Олег открыл глаза, фантазия растаяла. Но мужчина был не в силах сопротивляться возбуждению. Он поставил манекен лицом к стене, припал горячим «стояком» к промежности пластмассовой богини и застонал. #

Олег не слышал, как дверь приоткрылась и молоденькая консультант его увидела.

– С вами все в... ой, а вы тут, – Анфиса покраснела и захлопнула дверь. #

– Твою ж, – он будто проснулся и понял, насколько мерзко смотрелся со стороны.

Олег кинулся за Анфисой, но застыл возле примерочной. Девушка чуть ли не силком затащила в павильон покупателя и показывала ему новые модели эротического белья. Мужчина зашел в комнатку с зеркалом и умывальником, включил горячую воду. На стенах появились капли конденсата. Стекло запотело. Он провел рукой, чтоб рассмотреть собственное отражение. В глазах помутнело, стало тяжело дышать. Память изводила его несвязными сюжетами. Трясущимися руками он набрал номер жены.

– Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети. Перезвоните позднее или оставьте сообщения после сигнала.

– Алина, приходи домой в обед, я приготовлю твой любимый греческий салат. Давай объяснимся, раз и навсегда все решим, – оставив сообщение на голосовой почте, он выключил телефон. #

В дверях он столкнулся с Анфисой, осторожно взял ее за плечи и попросил:

– Извини меня за эту сцену в подсобке. Я еще с выходных отойти не могу. Туман в голове.

Мысли странные. Перепил. #

– 8966996669... Это номер магазина, я тут до десяти вечера сегодня. Звони... те. #

– Я побегу, мне нужно решить один вопрос, – выпалил Олег. – Еще позвоню.

– Хор... рошо, – ошарашенная девушка не сводила с него глаз.

#

Олег позвонил в дверь никто не открыл. Он хотел успеть до прихода жены. Что ж, получилось. Осталось убратся и приготовить салат. Щелчок, блеск ключа в замке, и на него опять нахлынули воспоминания: он хватает Алю за талию, перебрасывает через плечо, кидает на кровать, а дальше – вновь провал.

Мужчина разулся, прошел на кухню. С утра он даже не успел осмотреться. Разбитые фарфоровые чашки влюбленных, которые они купили во Франции, мелким бисером блестели на столешнице. Пол был усыпан клочками ткани. Олег повертел в руках лоскут присмотрелся к нему: «Похоже на ткань ее блузы». В голове один за одним вспыхивали отрывки выходных.

Они с Алиной сидят в зале, пьют вино из белых фарфоровых чашек – в честь примирения. Такова их традиция. Карие глаза жены горят огоньком. Вино сделало ее податливой. Его вновь выкинуло из собственных мыслей, на этот раз хрустом под ногами. В коридоре он оступился и раздавил подвеску инь-ян. Его подарок на годовщину. «Что она тут делает? Подвеска – любимое украшение Али».

Мужчина прошел дальше по коридору, в комнату для гостей. Наощупь включил свет. Окна наглухо закрыты. Голый матрас на кровати, ни подушки, ни постельного белья. Его будто током ударило – здесь они занимались любовью, точно так, как ему привиделось, в магазине. Прислушался.

В кладовке захрипел большой морозильник. Они купили его, когда он «всерьез» увлекся охотой. Но агрегат уже долгое время был отключен – убивать беззащитных мелких тварей он посчитал оскорбительным.

Он открыл дверь кладовой, распахнул морозильную камеру и увидел ее: каштановые волосы растрепались, но мягким волнистым каскадом обрамляли ее неестественно бледное лицо с едва заметной улыбкой. Упругие бедра и тонкие лодыжки стыдливо прикрывали промежность. Это было так возбуждающе, что Олег облизнулся. #

– Аля! – выдохнул мужчина. Его память наконец ожила.

...Он пересел поближе и стал целовать кончики ее пальцев. Алина отпрянула от него, тяжело вздыхая:

– Не сегодня, Олег. Мне нужен перерыв после твоих выкрутасов с той девицей. Она лапала твой член, а ты – ее грудь.

– Большого не было, – Олег не сдавался и легонько приобнял Алину, расстегивая верхние пуговицы ее блузы. #

Жена отпихнула его и выбежала из зала:

– Не трогай меня, я не хочу! – кричала она из кухни.

– За то я хочу... – муж взял со стола бутылку и направился за ней.

Олег вынул труп жены из морозилки. Накинул на белые холодные плечи пеньюар, найденный в спальне и кое-как разместил тело в ванной перед зеркалом. Включил теплую воду, смыл с ее губ и лица иней. Он увидел ее любимую темно-красную помаду, стоящую на трюмо. Накрасил бледно голубые губы женщины. Несколько раз провел помадой по стеклу ванны и посмотрел в зеркало на результат.

– Вот видишь, какой ты можешь быть загадочной и покладистой. Совсем не холодной, а желанной, яркой. Женщиной в красном.

Он поднял жену на руки и отнес в спальню, шепча ей на ухо:

– Я даже девочку для нас позову... Сегодня будет все, как ты хотела.

## Марфин колодец

Татьяна Салтыкова

@saltykovaiat\_

Ветер, завывая, выстуживал княжеский дом. Ярославна, закутавшись в пуховую шаль, стояла у окна, когда в горницу вошла Марфа, её нянька.

– Что это ты сегодня глаза ясные в тёмное озеро обронила?

– Кажется тебе, дитяtko.

– Как же кажется, коль целый день слёзы тайком утираешь?! Случилось что?

– Не утаить от тебя, милая, ни радости, ни беды, – ответила Марфа.

– А ты и не таись, поведай свою кручину. Чай, не чужие. Ты мне вместо матушки. Дозволь добром ответить на твою ласку.

Слова Ярославны пролились на раненое сердце няньки елеем. Ничего бы не сказала старая, да беда иссушила душу и нет сил молчать. Марфа подошла к изразцовой печи, приложила руки, согреваясь, посмотрела в глаза воспитаннице и сказала:

– Девонька, сама напросилась. Хочешь – верь, хочешь – не верь, а вот тебе мой сказ.

С той поры многие реки свою воду потеряли. Да только помню всё, будто вчера случилось. Родилась я на Днепре. Домов в деревне было много, и крепких хозяйских дворов немало. Наша семья тоже справной была. Все трудились, забывая про отдых: и родители, и дети. А было нас три сестры, я старшая. Матушка нас жалела, никогда голосом верх не брала. А тятенька крутой нрав имел. Если что не по нему, то и вожжами огреет, не посмотрит, что дитё перед ним. Боялись мы его сильно. А потому и послушание перед родителями держали.

Вот так в работе и бежали денёчки, в годы складываясь. Пришёл черёд сватовства. Другая бы девка на радостях ног под собой не чуяла. А я от страха не ведала, куда себя девать. Год, как тайком любилась мы с Егоркой. Надеялись, может, осенью получится свадьбу сыграть. Но надежда была тонкая, как паутинка. А тут на тебе, сватовство. Жених – Митька сопливый. Его в детстве так звали. Он вроде и видный парень стал, а поди ж ты, прозвище так при нём и осталось. Митька этот не люб, а противен мне был своей хитростью. Любил глазки строить, да и по мягкому месту рукой провести норовил. Одно слово – постылый.

Я к матушке пошла. Говорю, не надо никакого сватовства. Рано ещё. А сама глаза прячу.

– Наводишь ты, девонька, тень на плетень. Сказывай, что натворила.

– Ничего не натворила. Не хочу за Митяя и всё. Не люб он мне.

– Эвон как: не люб! А кто люб? С кем хвостом вертела? Сказывай, а то мигом батьку позову!

Сердце у меня в пятки сбежало. Тут думай, не думай, а сказать придётся. Выслушала матушка и сказала, как отрезала:

– Не быть по твоему, Марфа. У отца давно всё обговорено и решено. Сваты и подарки приготовили. Смирись, вот и весь мой сказ.

Смириться? Как так? Кровь хлынула мне в голову. Я опрометью выбежала на улицу. Тьма стояла кромешная. Осень. Небо покрыто тучами. Ни звездочки, ни месяца. Бегу к овину, где наше с Егорушкой тайное место. Думаю, выплачу слёзы свои, чтоб никто не видел. Вдруг слышу, дышит кто-то.

– Кто здесь? – шепчу.

– Марфуша, ты? Я и не чаял свидеться с тобой, радость моя.

– Егорушка, сокол мой! И я не надеялась.

– А правда, что завтра сватовство?

– Правда, Егорушка, правда. Что делать – не знаю. Матушке открылась, так она велела выходить за Митяя, а не то всё батюшке расскажет. А он крут, не сносить мне головы.

– Так ты за него собралась?

– Ты пошто кричишь? Али не знаешь, что не хозяйка я себе?

– Ты же мне про любовь говорила, что свет без меня не мил? А теперь что, Митьке такие слова сказывать будешь? Не зря про вас, баб, мужики говорят...

– Это про каких баб мужики говорят? Про меня? – вскричала я со слезами. – Ты говори, да помни, с кем говоришь, а то ведь недолго и конец беседе дать.

Ночь прохладная, а кровь в наших жилах до того разгорелась – того и гляди, искры посыплются. У Егора желваки на лице заходили. Только я не буду обидные слова терпеть! Развернулась и побежала к дому. Да он хутчей оказался. Сгрёб меня железными ручищами, что мне не ойкнуть, и понёс к нашему месту. Забрались наверх, где лежала солома после обмолота, прижались друг к дружке и не шевелимся. Будто хотим навсегда остаться здесь. И так нам любо, что и слов не надо.

– Марфуш, а ты правда выйдешь за сопливого?

– Не рви ты мне сердце. Лучше придумай, как спастись от ирода.

– Что придумать, зорька моя ясная? Ведаешь, если и пойду к твоему батьке, то ничегошеньки из этого не выйдет. Он иначе, как голытьбой, нашу семью никак не зовёт.

– Так ты, значит, не пойдешь к тятеньке?

– Я же тебе говорю: не отдаст он за меня.

– А пошто целый год про любовь сказывал, красивые картинки рисовал? Может, ты со мной так просто, позабавиться?

– Марфуша, – сказал Егор, приподнявшись на локте, – знай, без тебя я, как высохший колодец, как ходок без посоха, как служба без молитвы. Нет тебя, нет и меня.

От слов этих закружилась моя голова. А Егор всё жарче и жарче обнимает. Губы его медовые поцелуями покрывали моё лицо, шею. Ещё чуточку и не совладаю...

– Егорушка, – истомлённым голосом сказала, – не бери греха на душу. Не трогай меня. Люблю тебя до последней твоей кровиночки, а только не хочу бесчестить нашу любовь.

Не помню, сколько мы ещё любились, а только надо идти домой. Спустились тихо, полёвками пробежали по двору, а тут дверь открывается, и тятенька на крыльцо выходит.

– Значит, погань ты несусветная, с мужиками шарисься? Как хвачу тебя щас, – и юрк в сени, а оттуда уже выбежал с вожжами и замахиывается на меня. Только Егор перехватил его руку, зажал крепко и говорит:

– Дядя Панкрат, отдай Марфу за меня. Люба она мне.

– Это тебе-то, голодранцу, дочь отдать? Не бывать этому!

– Не люб Марфе Митяй. Отдай за меня.

– Сам голь перекатная, и девке такую жизнь дать хочешь? Коли еще раз замечу с Марфой, не жилец ты.

– А ты меня не стражай! Ишь, пужливого нашёл! Пожалей, дядя Панкрат, дочку! Я на неё пушинке упасть не дам, она у меня, как княгиня будет!

– Это у тебя-то, голопузого, княгиней? Пошёл прочь! Да руку отпусти, аспид! А ты давай домой! Поговорим, – и усмехнулся криво. – Егор, не вздумай худого про девку сказать!

Бить он меня не бил. Но лучше бы убил сразу. После его слов разум мой помутился. Раньше, бывало, рассказывали про девок, что выходили замуж и ни о чем не помнили. Так это самое случилось и со мной. Ни сватовства, ни венчания, ничего не помню. Только злые глаза батюшки, скорбно прикрытое лицо матушки да противный голос Митяя. Правду, Ярославнушка, говорят, что дети от любви рождаются. Месяца через три после венчания понесла я. Но Бог не дал мне радости детёночка своего поняичить. Помер он в родах. Похоронила его,

а вскорости и Митяй сгинул. Сказывали, с кем-то на рыбалке по пьяному делу схватился, так мужик его к рыбам и отправил. Несколько дней искали. Да где там!

Егорушку больше не видела. И старалась не слышать о нём. А сегодня ночью приснился мне колодец высохший. Как проснулась, сразу Егора вспомнила. Знаю, беда с ним. Да только не ведомо, где он. Так и прошла по жизни ходоком без посоха. Не ты бы, ласточка, не знала бы я никакой радости.

Марфа и Ярославна сидели, тихо прижавшись друг к другу. За окном дул холодный ноябрьский ветер, бросая в окна ледяные слезинки. Как будто поминал кого.

## Моя родная

Виктория Зверева

@\_fctc\_

Ничего больше не будет как раньше. Каждое утро, да и день, и вечер будут для Сабрины тяжелыми и наполненными чувствами вины, и ей никуда от этого не деться.

Еще месяц назад семья Фишеров была счастливой и ни о чем плохом не думала. Глава семьи, Роберт Фишер, нежно любил свою жену Хелен и двух дочерей, Сабрину и Кимберли. В девочках он вообще души не чаял, был их другом и действительно заботливым отцом, любил их абсолютно одинаково.

Возможно, именно поэтому соседи и другие посторонние люди не знали того, что скрывалось за этой любовью.

Кимберли была приемной дочерью.

При родах двойни Хелен потеряла одну из дочек. Для нее это было сильнейшим ударом. Всю беременность она мечтала, как будет гулять с обеими, ведя их за ручку с каждой стороны. Эти мечты могли бы разбиться вдребезги после печальных вестей врача. Но Роберт не мог позволить жене погрузиться в депрессию, из которой, как ему казалось, ей не выбраться. Было принято решение об удочерении сразу же после выписки из роддома.

Семнадцать лет прошли так незаметно для счастливых родителей. То, что Ким была приемной, знали только Роберт и Хелен. Никому и в голову не приходило задаваться таким вопросом. Все документы были надежно спрятаны от глаз дочерей.

Но, к сожалению, различие во внешности всё-таки бросалось в глаза. Особенно это замечала Сабрина. Особенно когда кто-то говорил ей: «Ты так похожа на маму! А Кимберли – папина дочка и похожа на него.»

Но это было не так, ее сестра не была похожа ни на кого, и чем старше становилась Сабрина, тем больше она это замечала. Она не могла с этим мириться. Почему с ними должен жить кто-то еще, кто-то неродной, просто так? Девочка тайно пыталась узнать правду. На почве подозрений отношения между сестрами стали портиться. Кимберли искренне не понимала, в чем дело, и очень переживала по поводу раздражения Сабрины.

Роберт же и Хелен боялись этого больше всего, для них не было различий: обе девочки были их родными малышками, пусть уже и взрослыми. Но всё равно опасались поведения Сабрины и невольно ждали, когда произойдет этот взрыв.

– Папа, я возьму твою машину? Сегодня ярмарка за городом, – сообщила за семейным завтраком Кимберли.

– Нет, машину беру я, мы с друзьями сейчас едем на пляж, – резко оборвала сестру Сабрина.

– Но ты брала ее всю неделю, может уступишь мне сегодня?

Сабрина грозно посмотрела на девушку, сидящую напротив.

– Тем более, кто возьмет машину, – я спрашивала отца, почему ты решаешь? – добавила Ким.

– Так, девочки, успокойтесь, у меня для вас хорошие новости. На следующей неделе мы едем в салон за новым «Мини Купером», а пока пусть Ким возьмет машину, – попытался прервать их спор глава семьи.

Сабрина вдруг вскочила с места, у нее снова началась необоснованная, как считали последнее время родители, вспышка гнева на сестру. Но на этот раз всё было куда серьезней.

– Что? – вскрикнула Сабрина, – почему «Мини Купер»? Почему мы покупаем машину, которую хочет эта девица? Почему ты вообще покупаешь тачку чужому человеку?

Повисло неловкое молчание. Роберт перестал жевать бекон, Хелен медленно опустила вилку на тарелку, но звон всё равно получился громче в этой тишине. Ким смотрела на сестру непонимающим взглядом.

– Что вылупилась? Ты не ослышалась, приемыш!

– Но...

– Ты мне не сестра! И никогда ею не была! Мне надоело делить вещи, семью и жизнь с чужим мне человеком!

– Сабрина, замолчи сейчас же! – вступился отец, но ее было не остановить.

– Ну уж нет! Спроси у матери, которая так хорошо прячет документы из приюта в коробке, обложенной ее трусами!

– Сабрина! – не выдержала раскрасневшаяся мать.

– Да лучше бы тебя вообще не было в моей жизни! Зачем ты нужна? – этот вопрос повис в воздухе после того, как Сабрина выскочила из-за стола, схватила ключи от отцовской машины и выбежала на улицу, хлопнув дверью.

Завтрак был закончен. Как и счастливая жизнь семьи Фишеров.

Через два часа Роберту Фишеру позвонили из полиции. Еще через десять минут поступил звонок из госпиталя Святой Марии.

Будучи в состоянии слепой злобы, Сабрина вылетела на перекресток, не заметив, что светофор горел красным. Сильный удар пришелся в левый бок, машина с девушкой перевернулась два раза и вылетела с дороги, показав свои железные «внутренности». Травмы были очень серьезными. Дочь Фишеров, плоть от их плоти, была в коме, и ей требовалась срочная трансплантация почки...

Сабрина очнулась спустя несколько дней, и первое, что она увидела, были заплаканные, с большими темными кругами глаза матери и уставшее лицо отца, которое как-то резко составрилось. В углу примостилась медсестра, пристально следя за действиями родителей, которым нельзя было сообщать неокрепшей девочке страшные новости.

Когда Ким узнала о случившемся, она добровольно решила стать донором почки для Сабрины. К тому же, по всем параметрам она подходила. Но операция не была успешной. Кимберли скончалась, помогая сестре. Это было настоящим ударом для Роберта и Хелен. Они молились днем и ночью, чтобы Бог не забрал у них вторую дочь.

Теплым сентябрьским днем Сабрина стояла на зеленой лужайке, где среди травы белели камни с именами и цифрами. Она приходила в эту обитель безмолвия и покоя одна каждую неделю и долго плакала над надгробием: «Кимберли Анна-Хелен Фишер. 23.X.1999 – 17.VIII.2016. Любимая дочь и сестра».

– Прости меня, родная, – рыдая, шептала Сабрина.

А в ответ была тишина.

## На пороге

Анна Матвиенко

@arys\_pole

Мне уже несколько дней было неуютно. Мне казалось, что мой мир словно сжимался, ощущение незыблемости и безопасности исчезло. Я старался успокоить себя, собраться и не паниковать, но однажды мои предчувствия стали реальностью, окунув меня в бездну страха.

Я проснулся оттого, что все вокруг пришло в движение. Упругие стены окружавшей меня капсулы словно утратили свою надежность, они вибрировали и колебались, как будто извне на них действовали неведомые силы. Сначала меня охватила паника, но усилием воли я заставил себя собраться. У меня не было инструкции, как поступать в таких ситуациях, и я решил положиться на своё чувство самосохранения – до сих пор оно меня ни разу не подводило.

Я понимал, что должен быть какой-то выход. Немного повертевшись, я нащупал среди надвигающихся стен лазейку. Моя капсула сжималась всё интенсивнее, и я решился покинуть своё убежище.

Неторопливо и основательно я изучал обнаруженный путь для побега, когда внезапно стены вздрогнули значительно сильнее и лаз распахнулся, выбрасывая содержимое. Всё, что окружало меня, всё, чем я дышал, устремилось прочь, увлекая меня за собой. Стены капсулы тут же сомкнулись, сжав мое тело. Я лежал головой к выходу, упревшись в гладкие упругие края. Боль и страх охватили меня: мне нужно выбраться во что бы то ни стало! Я хочу жить!

Новая волна придавила мое тело, и я, собравшись с силами, бросил своё тело вперёд. Удивительно, но ворота поддались, пропуская меня. Я чувствовал, что сжимающаяся за мной капсула даже помогает мне. Я приободрился и поспешно стал продвигаться через узкий лаз. Голова, плечи – только вперёд.

Внезапно я почувствовал, как мою шею что-то сдавило, я не мог дышать, паника охватила меня. Дёрнувшись вперёд, я понял, что застрял. Жгут, обвивший мою шею, душил меня, а я не мог пошевелить застрявшими руками. Боль усиливалась, меня охватил ужас, но я не мог даже закричать. Сама капсула, помогавшая мне покинуть убежище, тоже замерла, словно в нерешительности, зажав мои ноги. Мое тело сдавило со всех сторон, горло обжигал обвившийся жгут, в глазах начало темнеть, сердце бешено колотилось, сбиваясь с ритма. Я готов был потерять сознание.

Внезапно стены капсулы опять пришли в движение. Собрав последние силы, я толкнулся ногами, жгут на шее затянулся сильнее, но на краю сознания, сквозь боль и страх, я почувствовал, как меня схватили за плечи и потянули вперёд. Резко развернув мое обмякшее тело, мою шею освободили от жгута. Боль отступила и, вздохнув, я услышал: «У вас мальчик, 3600».

## Найдите доктора Миллера

Джессика Рэббит  
@rabbit\_with\_a\_pen

Умбо, мой умственно отсталый брат-близнец, радуется и лупит по столу ладонью, видя моё приближение. Я ставлю поднос на клеенчатую скатерть, повязываю ему на шею чистый слюнявчик и подкатываю кресло ближе к столу, чтоб как можно меньше еды попало на колени и пол.

Поганая жизнь у моего брата: умственная отсталость и ДЦП. Он не ходит, почти не говорит, но ложку направляет в рот практически без промахов. Сегодня я свободен, поэтому на обед домашняя лазанья. Не такая, как готовила в детстве Ба, но для нас с Умберто в самый раз.

Раньше я думал, что одна из болезней брата предназначалась мне, но потом понял, что тогда бы мы оба медленно умирали в каком-нибудь государственном доме инвалидов, рассматривая стену и пуская слюну.

Меня, кстати, зовут Джон. Умберто называла мать, а мне досталось от щедрот небогатой фантазии отца. Ба тогда покрутила пальцем у виска, но на том и дело кончилось – все принялись сражаться за здоровье Умбо. Отец недолго пробыл на этой дистанции для борцов в супертяжелом весе, и в гонке остались только мама и Ба.

Я рано почувствовал себя лишним, неуместно здоровым в доме, где болезни брата были возведены на пьедестал. На меня постоянно шикали и выводили из комнаты, где лежал брат, если я набирался смелости туда заглянуть. Но позже мама и Ба смекнули, что Умбо может пережить их обеих и единственный, кто о нём позаботится, это я.

Не подумайте, я люблю Умбо и делаю всё, чтобы скрасить его существование. Как только я научился читать, брат стал моим единственным благодарным слушателем. Я читал ему на разные голоса, ставил сценки, изображал пиратов, разбойников, королей и даже принцесс. Вряд ли он что-то понимал, зато я понял, что хочу стать актёром. Но мама даже слушать не хотела об этом.

«Поступай на врача, милый! – говорила она. – Умберто нужен уход. Кто будет с ним после моей смерти?»

Я смалодушничал и сделал так, как сказала мама. Теперь я доктор Джон Беннард, по совместительству премиальная сиделка для брата. Надеюсь, там, на небе, мама и Ба всё-таки узнали, что я окончил университет.

Я завидую Умбо. Он всё время счастлив, всем доволен и обожает поесть. А мне в кусок в горло не лезет, хочется лечь в тёмный угол и покрываться там пылью. Но нужно переделать ещё кучу дел, пока я не уеду из этого дома надолго, может быть, навсегда.

Последний год выдался тяжёлым, я уставал как собака, давление скакало, болела голова, раз даже упал в обморок, хорошо, что никто не видел. Тогда я списал всё на усталость: работа, Умбо, магазины, уборка, готовка, всё на мне. Но когда в тридцать пять я обзавёлся отдышкой, я заподозрил, что и мой организм решил дать сбой. В пятницу утром я пошёл в кардиологию, надеясь получить таблетки от давления или что-то типа того.

Вечером я вышел оттуда с мыслью, что Умбо весь день скучал и нужно будет взять для него в прокате новых мультфильмов. Думать об этом было куда приятнее, чем знать, что внутри наливается чернотой мезотелиома. Проще говоря, злокачественная опухоль сердца. В любой момент может рвануть.

В солнечное субботнее утро, когда Умбо позавтракал и смотрел «Шрека», я как обычно подбирал с пола упавшие крошки и думал, куда, а главное, на какие шиши пристроить брата, когда я умру.

Мысль позвонить отцу я отмёл сразу. Во-первых, я не видел его с того момента, как нам исполнился год, во-вторых, я понятия не имел, где он сейчас. Взять в больнице лишние смены не получится, всё уйдёт на оплату дополнительной сиделки для Умбо. Продавать нечего, накоплений нет, выхода тоже. Неделю я находился в прострации, на работе думал о брате, дома о работе, и ничего придумать не мог.

Однажды, когда я сидел на полу ординаторской, пытаюсь усмирить тахикардию, мне позвонил заведующий онкологией и попросил зайти.

– Садись, Джон, – указал он на диван для посетителей. – Я знаю о твоей ситуации. К сожалению, вылечить мезотелиому нельзя, но я могу предложить тебе работу.

– Я ничего не смыслю в онкологии, доктор Миллер! – Я даже не думал, что такой именитый доктор знает о моем существовании.

– Твоя задача будет состоять не в лечении рака. Но ты заработаешь достаточно, чтоб обеспечить твоему брату хороший уход, когда... – он сделал паузу. – Если ты не сможешь выздороветь.

– Что я могу сделать?

– Как ты знаешь, – продолжил доктор Миллер, – в моем отделении есть люди, которые никогда не победят рак. Несмотря на терапию, им больно жить. Они страдают каждый день. Согласись, это несправедливо?

– Конечно... – я начал догадываться, к чему он клонит.

– Некоторые не выдерживают и не могут больше этого терпеть. И тогда...

– Но ведь это незаконно?

– А законно с моральной точки зрения позволять человеку испытывать страдания, зная, что ты можешь их прекратить? В восьми штатах это разрешено. Но пока не в нашем.

Я молчал, думая об Умбо. Если бы он мучился от боли, сделал бы я для него то, что предлагает мне делать для других доктор Миллер?

Но Умбо при хорошем уходе может прожить и до пятидесяти. Только денег на него у меня нет, значит, он умрет скрюченным от спастики на продавленном матрасе, в лучшем случае, застеленным клеёнкой.

– Я согласен.

– Отлично. Переводись со следующей недели, – он заходил по кабинету взад и вперед. – Не бойся, никто не узнает. Будут письменные согласия. В суде это вряд ли поможет, но моральная сторона будет за нами.

Первая пациентка, женщина шестидесяти лет с метастазами во всех органы, вымученно улыбнулась мне, когда поняла, для чего я пришёл. Я тоже улыбнулся, хотя внутри трясся, как лист. Когда я вводил лекарство в систему, у меня дрожали руки.

Скоро всё было кончено. Я вернулся домой, открыл бутылку виски и сидел допоздна, глядя в онлайн-банк на экране смартфона.

«Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла»...

Целых полгода я нарушал клятву Гиппократова. Мой банковский счёт рос вместе с опухолью, страх за брата уменьшался пропорционально количеству полученных денег. Доктор Миллер нашёл отличный дом ухода и обещал лично навещать Умберто после моей смерти.

Всё шло нормально, пока дочь одного старика с карциномой, воспользовавшегося нашей услугой, не потребовала поднять все документы по её отцу и не связалась со своим адвокатом.

Утром я попытался перевести деньги дому ухода, но счёт был заблокирован. Дозвониться до Миллера не удалось.

В дверь постучали:

– Это полиция, откройте!

Я обнял Умбо, который подвывал песенке Гринча, и подошёл к двери.

Расследование шло медленно – доктор Миллер умел замечать следы. Он вышел под залог и скрылся. У меня денег не было, я сидел под стражей и проклинал день, когда вошёл к Миллеру в кабинет. В моей жизни ничего не осталось, кроме отчаяния, ненависти и рака.

Всё, о чем я просил назначенного судом адвоката – позаботиться об Умберто. Он уверял меня, что с ним всё хорошо. Через некоторое время из социальной службы пришло письмо с соболезнованиями.

Прости, Умбо...

Потом были слушания, скандирующие под окнами толпы, призывающие меня казнить, письма от незнакомцев с угрозами или словами поддержки, камера, приступ, тюремный госпиталь, белый потолок и писк кардиомонитора.

Теперь я сам был бы рад видеть доктора Миллера с его «уколом покоя», но его так и не нашли.

## Нам чужого не надо

Анастасия Ворончихина

@fairy\_petelka

Маленький Данилка девяти лет от роду воспитывался в детском доме. Его маму сбил насмерть пьяный водитель на крутом внедорожнике. Отец служил в горячей точке и, по словам матери, подорвался на фугасе. Второй Новый год Данилка мечтал о подарке от Деда Мороза: настоящем военном танке. И второй праздник подряд получал только кулёчек со сладостями от благотворительного фонда «В помощь детям». #

Однажды Данилка и еще пара мальчишек нашли на небольшой свалке около детского дома сломанные игрушки. Петька схватил потерянный пистолет без курка. А Данилка увидел настоящее сокровище – сломанный военный тягач с опускающимся бортом для перевозки другой «боевой техники», к которому была приклеена наклейка с непонятными буквами.

У тягача было только два колеса, отсутствовала дверь со стороны водителя. Зато вторая дверка машины отлично открывалась, и корпус сохранился почти в целости. Лишь несколько сколов пластика, которые образовались, скорее всего, из-за падения машины.

Сначала Данилка играл со своей находкой так, как она была, сломанной. Но вскоре на него обратил внимание Михалыч, сторож детского дома. Он наблюдал со стороны за мальчишкой и так сердце сжималось, когда Данилкин тягач на двух колесах шкрябал по деревянному облупленному полу игровой комнаты, изображая боевую мощь. Михалыч во что бы то ни стало решил помочь пареньку и отремонтировать игрушку. #

В своей подсобке он снял колеса со сломанного игрушечного транспортера, подобрал несколько дверок, которые могли бы подойти тягачу. Взял инструмент, краску и подошел к Данилке, когда тот в очередной раз самозабвенно «перевозил» на тягаче небольшие книжки и машинки. #

– Ну-ка, дай, – Михалыч взял в руки игрушку, покрутил ее деловито туда-сюда. – Пошли за мной! #

Данилка послушно встал и побрел за сторожем. #

– Будем чинить! #

– А это возможно? – с надеждой спросил Данилка Михалыча. #

– Понятное дело, – ответил тот, и они принялись ремонтировать технику. #

Что-то подпилили, что-то пошкурили и подкрасили. Заменяли все колеса и отреставрировали дверцы, которые теперь открывались, как по маслу. Данилка старательно закручивал порученные ему гайки и тихо радовался. Наконец, ремонт был завершен. Мальчишка с нескрываемым восторгом смотрел на любимый тягач. Машина выглядела почти как новенькая.

#

К сожалению, детдомовское счастье продлилось недолго. Однажды территорию детского дома красили и белили, и подопечных отпустили гулять в соседний двор. Сироты играли на одной площадке с другими детьми. Данилка как всегда не отпускал из рук свой военный трофей.

Когда игра была в самом разгаре, его остановил незнакомый мальчишка и заявил, что это его тягач. Он привел доказательства: царапины на корпусе, наклейка на борту «Let's do fight» и что-то еще. Данилка его не слушал. Сказал, что это неправда, что они со сторожем Михалычем его сами чинили и красили, а если не верит, пусть приходит в детский дом, сторож подтвердит. Данилка смело назвал наглому мальчишке адрес.

Вечером того же дня незнакомый мальчик пришел вместе со своим отцом к заведующей детдома. Та выслушала аргументы ребенка, его родителя, затем Михалыча и сказала Данилу: #

– Этот тягач придется вернуть! #

– Как же так? Это же несправедливо! – возмутился Данилка, и слезы выступили у него на глазах.

Через несколько минут мальчик сидел в подсобке у Михалыча. #

– Ничего не поделаешь, он его хозяин! Только снимем то, что мы поменяли и поставили, и вернем. #

Через некоторое время Данилка вручил мужику тот самый тягач на двух колесах и со сломанной дверкой, который нашел на свалке и сказал: #

– Нам чужого не надо! Забирайте!

Мужик хотел было что-то сказать, но, посмотрев на сторожа и заведующую, стоящих за спиной Данилки, вздохнул, взял «тягач», и они с сыном ушли. На следующий день Данилка снова нашел на свалке тот же сломанный тягач, но не стал его брать. Он хорошо запомнил слова сторожа и заведующей о том, что чужого брать не надо.

Прошло полгода. Близился новогодний вечер. Детский дом за это время нашел мецената в лице депутата городского законодательного собрания, поэтому кроме сладких подарков дети получили игрушки. Данилка в руках держал новенький военный тягач с вертолетом на борту. Мальчик был счастлив. Михалыч, наблюдая за ним в сторонке, часто моргал, смахивая влагу с ресниц.

## Нити

Heso

@daria\_key\_00.11.

Во все стороны тянутся нити. Каждая нить – судьба, каждая нить – человек.

Нити лежат на ладонях, оплетая пальцы, как паутина, шелестят подобно струнам арфы, рождая невероятно красивую мелодию жизни. Те, кто ходит там внизу, даже не подозревают, что к их сердцу через родничок тянется красная дорожка судьбы. И даже мысли не возникает в их головах, что эти нити кто-то держит.

А он перебирает их, любитесь миллионами оттенков алого, бордового и многих иных тонов красного, высматривает прозрачные или совсем тонкие, что вот-вот порвутся, растворяясь в воздухе вместе с последним вздохом человека. Такие нити следует подлечить, накручивая на них шерсть новых событий. Но их много, а он один, а потому не всегда успевает прийти на помощь.

Порой нить рвётся, сразу тая у него в руках. В такие моменты он поджимает губы, всё ещё не веря, что достоин вести судьбы людей этого города. Сердце болезненно сжимается. Он знает, что мог успеть. Он знает, что собственными руками выбрал спасение другой души. Ощущает, как тяжелеют и темнеют от горя связанные с этой нитью судьбы. Каждая порванная нить оседает чувством вины в его душе. Как у каждого врача есть свое личное кладбище, так и у него оно все растёт, давит безжалостно на плечи.

Некоторые нити рвёт он сам. Склизкие и прогнившие, они пускают заразу на все остальные, подрывая сотни и тысячи. Наркотики, убийства и изнасилования разрушают судьбы изнутри, распространяя неприятные запахи. Он терпеть их не может, каждый раз выжывая такие из пучка хороших. Они извиваются, выскальзывая из пальцев и стремясь уйти, спрятаться среди других, но запах выдает их. Как бы хорошо ни скрывалась судьба, прикидываясь милой и радушной, если она гнилая, то стоит лишь хорошенько принюхаться, поднеся нос поближе, и всё сразу становится ясно. К сожалению, именно в эти моменты, упускается время, что могло бы быть потрачено на спасение других, но...

Вздохнув, он в сотый, нет, в тысячный раз ловким привычным движением перебрал нити в руках. Они отозвались тонким звоном, ластясь к пальцам. Он уже привык к ним, научился разговаривать, подсказывать. Нити называли его по-разному: провидение, дар, ясновидение, интуиция...

С крыши небоскрёба открывался чудесный вид на город. Слегка тусклое от смога солнце окутывало здания, смягчая их контуры. Оно словно матушка ласково скользило лучами по окнам, деревьям, машинам, людям и по его лицу, желая спокойной ночи и обещая вернуться завтра. И город отзывался, тихо шебурша колесами машин. Нити тоже отзывались: люди поднимали головы, шурясь на солнце, ощущали уют и тепло родного окружения.

Стемнело. Сегодня было безоблачно, город уже спал? и можно было рассмотреть, куда тянется каждая ниточка.

Возможно, он бы с удовольствием полюбовался панорамой, что так полюбилась за этот год службы, но было не до этого. Пальцы нащупали двойную нить, что истончалась с каждой секундой. Внутри что-то заледенело, обмирая. Мама и малыш – такое он упустить не мог.

Щелчок пальцев, и время замирает. Бросив все остальные нити, он хватает двойную, черпая пряжу из воздуха. Краем глаза замечает судьбу молодого парня, что так не вовремя зашел в подворотню около дома. Душа рвется на части, вымаливая прощение у нити, что тает, извиваясь и цепляясь за крышу. Если бы он мог... Если бы он только мог помочь сразу троим...

Всего двадцать секунд есть у стража, чтобы спасти молодую девчонку, попавшую в аварию на последнем месяце. Двадцать секунд, что отнимут у него двадцать месяцев жизни. Это – его последнее спасение, месяцев больше не осталось. Надо обязательно спасти их, чтобы не уйти просто так, чтобы всё это было не впустую.

Силой духа отрешаясь от всего мира, он заставляет себя забыть о парне, что тихо всхлипывает, и тает без следа. Не сейчас, он подумает об этом позже.

События оплетают нить, уплотняя: замена интерна на опытного врача, которого вызвали на работу внепланово, понимающие водители, уступающие дорогу машине скорой помощи, уцелевшие артерии и вены, не допускающие кровотечения, присутствие в больнице кувеза, куда сразу поместят малыша, и медсестра, знающая своё дело.

Нить утолщается, крепчая с каждой секундой и высасывая жизненную силу из рук, что высыхают на глазах, покрываясь пигментными пятнами. Стараясь не обращать на это внимания и не думать, он работает, продолжая упрямо плести.

Последний штрих...

Готово.

Время пошло, нити затрепетали, и малыш сделал первый вдох, а старый страж устало сел на край крыши. Он взял в руки лишь эту двойную нить. Полуслепые глаза наблюдали, как расслаивается нить, сплетаясь в две тонкие, но крепкие ниточки. По той, что была тоньше, до него долетел детский крик. Тонкий голосок резанул по ушам, и старик чуть крепче её сжал, желая увидеть спасёныша.

Пальцы уже бледнели, исчезая. А он все смотрел в синие глаза того, кто был спасён ценой его жизни.

Слеза прочертила дорожку на щеке, падая на ласковую улыбку, что могла согреть каждого, кто её увидит.

Что же... Это стоило того.

## Ничья

Юна Колесник

@sormovi4ka

– Мам, там женщина.

– Где это – там? – отрываюсь от смартфона.

– На крыше.

– О боже! Сумасшедшая... Куда звонить-то?

– 112.

– Да, да... Как она туда попала? Алло! Тут девушка на крыше! Адрес? Какой тут адрес, сын?..

– Не надо звонить, барышня. Мы уже здесь, – тяжелая рука на моем плече. Легкий взгляд, грузная фигура. – А вам домой пора. Поздно уже.

Он заходит в открытый настежь подъезд новостройки. Хватаю сына за руку, бежим прочь мимо машины МЧС. Метрах в ста опять задираю голову.

– А юбка-то, смотри... Это ж Тонечка наша! Они с мужем... Погоди, погоди, у меня есть номер...

Город. Как на ладони... И жизнь твоя – тоже. Дома, дороги... Кольцо реки, чуть дальше – зеркальце озера. Там, во дворе, школа – и Валеркины глупые шутки... А здесь – парк, чертово колесо и Валеркин смех... Загс с елками у дверей – и его взгляд. И Собор – совсем близко... Тогда казалось – навсегда.

Говорят – «наш небоскреб». Двадцать пять этажей. Много? И тебе двадцать пять. Всего? Или – уже? Когда ты успела сойти с ума? От чего? Турагентство – хорошая работа. Валерка – хороший муж. Почему всё пропало? Как жить теперь? Пожалуй – никак.

Ветер... Обвивает юбку вокруг ног. Леденящий ладони парапет. И греющий душу голос ниоткуда:

– Тоня. Расскажи мне.

– Кому – тебе?

– Пусть пока – сама себе. Когда это началось? Не говори – покажи.

Она закрывает глаза. Покажу... Теперь уже – не страшно. Покачивается на ветру, отдаётся своим картинкам и отдает их дальше – тому, кто просит.

Ноябрь, каблуки скользят, тротуар в колдобинах. Всё, домой. Жаль – далеко, долго. На метро – до конечной, потом трамвай, потом пешком...

Старая бетонная урна. Лестница вниз. Щербинки на четвертой ступени. Так знакомо, так просто. Турникет, ещё лестница, платформа... Вдруг становится душно. Нет же, нет – здесь всегда сквозняк... Тогда почему нечем дышать? Воздух... Где воздух? Сердце колотится. Непослушные пальцы стягивают шарф, расстегивают ворот пальто. И пот, противный, холодный... по спине, по плечам, до ладоней.

Люди! Мне плохо! Но нет их, людей... Кругом туман, и свет – меркнет... «Как в кино», – мечется мысль. Кино. Надо смотреть, надо – дышать! Грохот. Поезд. «Мой? Нет, нет, нет!»

Он выползает из пасти туннеля – рваный металл дымится, искореженные двери царапают платформу. На зубьях выбитых стекол – обрывки одежды и кровь, кровь...

Она кричит. Вытаскивает сама себя из этого марева. Дерево скамейки. Шарф свисает до пола. Люди! Но люди спешат, люди устали...

«И я – просто устала. Просто привиделось». Вцепившись в скамью, слышит нарастающий шум. Соберись! Ну же! Шаг вперед. Вот он – поезд. Смотри – обычный, серо-синий, он отвезет тебя домой... Вот машинист – пожилой, надежный. Надо ехать. Надо – сейчас! Шаг. Ещё шаг. «Осторожно, двери закрываются...» Шарф держит, уцепившись за что-то. Она падает на колени. Удар. Боль...

Лица, лица над ней:

– Обкуренная, что ли?

– А если б не в дверях грохнулась, а на рельсы?

Натянутая улыбка женщины в форме:

– Эх, девушка, машиниста-то как напугала. На скорой увезли.

##

А утром она не смогла доехать до работы. Один только вид дороги приносил липкий страх и видения: металл, гарь, крики... Одна только мысль о выходе из дома погружала, засасывала в вязкую, мерзкую трясику, из которой не выбраться.

Больничной. Невролог. Кардиолог. Анализы. Сосуды и МРТ. Норма. Норма. Норма.

Психиатр: «Ваша паника так или иначе связана с транспортом. Здесь явно детская травма. Вот вы говорите – был извращенец в маршрутке. Значит, всё дело в нём». Чушь, какая чушь. Но – таблетки. Любая поездка – только на такси, на заднем сиденье, вжавшись в кресло, замурив глаза, с грохочущей музыкой в наушниках.

Марево, марево... и всё вокруг плавится, как в жару.

Потом стали приходили они. Вороны? Филины?.. Большие черные птицы. Сиделись на плечи, на руки, хищно щелкали загнутыми клювами. Скрипели крыльями, хрипели: «Ты больна, больна... Твоё место – в психушке!»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.